

ПОЮ МОЁ ОТЕЧЕСТВО

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

БУДУЩЕЕ НАЧИНАЛИ ОНИ

Л

ПОЮ МОЁ ОТЕЧЕСТВО

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ
БУДУЩЕЕ
НАЧИНАЛИ
ОНИ
РАССКАЗЫ

МОСКВА
(ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА)
1987

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

*Отзывы об этой книге
издательство просит присылать
по адресу:
125047, Москва,
ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

РИСУНКИ
Г. МЕТЧЕНКО

ПРО ВИКТОРА КАЛМЫКОВА

1929 год. На Южном Урале шло строительство огромного металлургического комбината — прославленной Магнитки. Многие отличились тогда на строительстве...

Рабочие окружили своего бригадира. Смотрят на самого, на его обновы.

— Ну и ну!

— Вот это да!

— А кепка-то, кепка!

Кепка действительно на голове бригадира была необычная: белая, мохнатая, сверху пупырышек, козырёк серпиком. Впервые здесь, на Магнитке, такую видят.

— А пальто-то! Пальто!

И пальто необычное — светлое, нарядное, модное: с ремешком, с накладными карманами. Пуговиц нет. Вместо них металлические застёжки.

— Ух ты! Ох ты! — не прекращаются голоса.

Товарищи по работе встречали своего бригадира Виктора Калмыкова. Он только что вернулся из Москвы.

Виктор Калмыков был одним из самых известных строителей Магнитогорска. В соревновании бригад, когда возводили плотину через реку Урал, бригада Калмыкова заняла первое место. Затем члены прославленной бригады стали работать монтажниками при строительстве первой доменной печи. Они и здесь заслужили славу быть в числе лучших. Виктор Калмыков был направлен в Москву на слёт ударников. Из Москвы и вернулся — одет с иголочки.

Трудно было в те годы с одеждой, с обувкой. Не часто встретишь, особенно здесь, на Магнитке, такого франта.

Смеются строители:

— Родная жена не узнает!

— Шарик соседский тявкает!

Так и получилось. Действительно

тявкнул Шарик. Действительно жена не признала мужа. А затем, как и другие, ахнула.

Нет бы Калмыкову переодеться, передохнуть с дороги, а он:

— Как там дела на строительстве домны (так сокращённо называют доменную печь)?

Привык, полюбил он стройку. К тому же характер имел беспокойный. Пришёл, словно бы чувствовал. Серьёзная неполадка произошла в тот момент у монтажников. Принялся Калмыков товарищам помогать. Надо было срочно заменить на одной из строительных ферм заклёпки, поставить новые листы металла. Взял Калмыков клепальный молоток. Полез куда-то на верхотуру. Вместе со всеми включился в работу. Установили они новые металлические конструкции.

Завершили монтажники работу. Спустились вниз. Смотрят на бригадира, на его новое пальто, на кепку. Э-эх, посерело, пропало от строительной

пыли нарядное пальто. Вся в пятнах сверхмодная московская кепка.

Вновь не узнать Калмыкова. Возвращался Калмыков домой. Опять не признал Калмыкова соседский Шарик. Смотрел удивлённо, смотрел. Снова со злобой тявкнул. Жена же, увидя мужа, всплеснула руками и тут же в слёзы. Жаль ей модных столичных красивых таких обнов. А Калмыков улыбается:

— Что там моды, что там обновы! На нашей домне опять порядок!

Доволен он, что вовремя вернулся на стройку, что в трудную минуту помог товарищам.

Не в обновлениях, выходит, радость. В общем деле куётся счастье.

Отлично трудился на строительстве Магнитогорского металлургического комбината Виктор Калмыков. Любили все Калмыкова. Ценили его за труд. Добрую, светлую память у людей оставил о себе Виктор Калмыков.

Память людская дорого ценится.

Память людская на деле держится.

ИСТОРИЯ С ЛОМОМ

Произошла эта история тоже на строительстве Магнитогорского металлургического комбината во время возведения плотины через реку Урал. Произошла в бригаде Нурзуллы Шайхутдинова. С самим бригадиром.

Нурзулла Шайхутдинов — бригадир землекопов. Нелёгко труд землекопа. Сейчас котлованы, канавы, траншеи роют специальные машины. В те же годы главным инструментом была лопа-

та. Лопата и лом. И сила работающего человека.

Случилось это в один из холодных осенних дней. Дул порывистый, леденящий уральский ветер. Бригада Нурзуллы Шайхутдинова рыла котлован под бетонировку опор плотины. У одного из котлованов и работал сам бригадир. В руках у Шайхутдинова лом. Долбит он упрямую землю. Ударяет лом. Ходит в умелых руках, словно

паровой молот. И вдруг выскользнул лом из рук Шайхутдинова. Выскользнул и, словно стрела, ушёл в ледяную воду, которая заполняла котлован.

Лом! Это же ценность. Дефицитнейший инструмент на стройке. Трудно было на Магнитке с инструментом, особенно в самом начале работ. К тому же сейчас привезут бетон. Вдвойне нужен будет Шайхутдинову лом. Да и обидно Шайхутдинову — какой же он бригадир, какой же умелец, раз в руках не удержал свой рабочий инструмент.

Как быть?

И вот тут... Другие, что к чему, ещё

и понять не успели. Разделся Нурзулла Шайхутдинов и не раздумывая — в ледяную воду.

Нырнул. Вынырнул. Лом в руках.

Вытащили землекопы своего бригадира. Налетел леденящий ветер. Огромной сосулькой стоит Шайхутдинов.

Принялись товарищи разогревать, растирать неожиданного ныряльщика. Отошёл, улыбнулся Нурзулла Шайхутдинов. Вот он снова, как все, в работе. Две дневных нормы выполнил в этот день Нурзулла Шайхутдинов.

Долго строители вспоминали историю с ломом. Шутили тогда на Магнитке:

— Оба, выходит, и наш Нурзулла и лом, из железа кованы!

Правда, кто-то тогда сказал:

— Подумаешь лом. Кусок металла. Из-за лома здоровьем рисковать.

Прервали его товарищи:

— Не в ломе, в поступке дело.

И на малых примерах душа проверяется. Рабочий характер в труде рождается.

Любили товарищи Нурзуллу Шайхутдинова.

И на плотине, и на других местах гигантской стройки не раз отличался отважный бригадир. За личный примерный труд, за умелое руководство бригадой Нурзулла Шайхутдинов был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Он стал первым орденоносцем на Магнитострое.

КАНЦЕЛЯРИСТ

Нужны стране энергия, электрический ток.

На реке Днепре шло строительство гигантской электростанции. Она и сейчас работает. Это знаменитый Днепрострогэс.

Бригада Прасковьи Канцелярист была одной из наиболее прославленных на Днепрострое. Собрались в бригаде девушки. Крепкие, весёлые. Работа у них ответственная — бетонщицы.

Приехала на Днепрострой и Клава Сметанкина. И она мечтает о самой почётной для себя работе.

Посмотрели на Клаву, сказали:

— Есть у нас Паша Канцелярист. К ней и пойдёшь работать.

И вдруг Клава:

— Не пойду.

— Как не пойдёшь?

— Не пойду, — повторяет Клава.

Не сообразила Клава, что Канцелярист — это фамилия. Решила, что Паша, к которой её посылают, работает в канцелярии. Значит, и её, Клаву, посылают на работу с письмами и бумагами.

— Не пойду! — убеждённо сказала Клава.

— Ну смотри.

Подобрали другую работу Клаве. Послали к Анне Потаповой. А Потапова как раз ведала делами учёта. Разные толстые тетради и учётные книги у неё, различные бланки и накладные.

Даёт Потапова Клаве карандаш, тетрадку, говорит:

— Пойдёшь в бригаду к бетонщикам, запишешь последние показатели.

— Вот так попала, — ужаснулась Клава. Мечтала она работать на самых главных участках гигантской стройки, а тут — на тебе! — вроде посыльная.

Взяла карандаш, тетрадку, пошла к бетонщикам.

Встретили её в бригаде хорошо:

— А, новенькая!

— Ну, пиши, пиши!

Записала Клава разные сведения: сколько замесов бетона за смену произвела бригада, сколько намечено было по плану, сколько за смену выполнено.

— Давай распишусь, — сказала одна из бетонщиц, видимо старшая.

Потянулась к карандашу, вывела — Прасковья Канцелярист.

Глянула Клава, не сдержалась — ойкнула.

— Что с тобой? — спрашивает Паша Канцелярист.

— Да так, — ответила Клава. И снова ойкнула. Засуетилась. Взяла тетрадку. Побежала назад.

Отнесла она карандаш и тетрадку Ане Потаповой. Заспешила к тем, кто определял её на работу:

— Согласна, согласна, посылайте в бригаду к Прасковье Канцелярист!

Поражаются люди, что за чудная такая девчонка.

— Смотри, вновь не передумаешь?

— Нет-нет, не передумаю! — кричит Клава.

Рада она, что стала работать вместе с Прасковьей Канцелярист.

На всю страну была прославлена в те годы Паша Канцелярист.

ВСТРЕЧНЫЙ-БЕЗУПРЕЧНЫЙ

Вот такая однажды произошла история на Днепрострое. Был 1930 год. Шли самые горячие месяцы укладки бетона. По предварительным расчетам, за сезон, то есть в более подходящие месяцы года, предполагалось уложить 300 тысяч кубометров бетона. Таков был первоначальный план. Мировой рекорд составлял 386 тысяч. Установили его американские строители.

Пошли разговоры на Днепрострое:

— А мы чем плоше!

— А мы чем хуже! Братцы, побьем рекорд!

Недовольны рабочие первоначальным планом. Пришлось техническому отделу снова заняться расчётами. Думали в отделе, думали, прикидывали, всё учитывали, всё взвешивали. Подытожили, подсчитали. Пришли к выводу, что можно побить американский рекорд, что можно уложить 427 тысяч кубометров бетона за сезон.

Довольны строители:

— Вот это уже по-нашему.

Утвердили цифру — объём работ. Казалось бы, всё улажено. И вдруг у строителей рождается новое предложение. Существовал в те годы такой порядок. Утвердят, скажем, соответствующие инстанции определённый план для стройки или для какого-нибудь производства. А рабочие вдруг не соглашались с этим планом и вносят собственные предложения. Это называлось встречным планом. Появился встречный план и на Днепрострое.

— Уложим 500 тысяч кубометров бетона за сезон, — заявили рабочие.

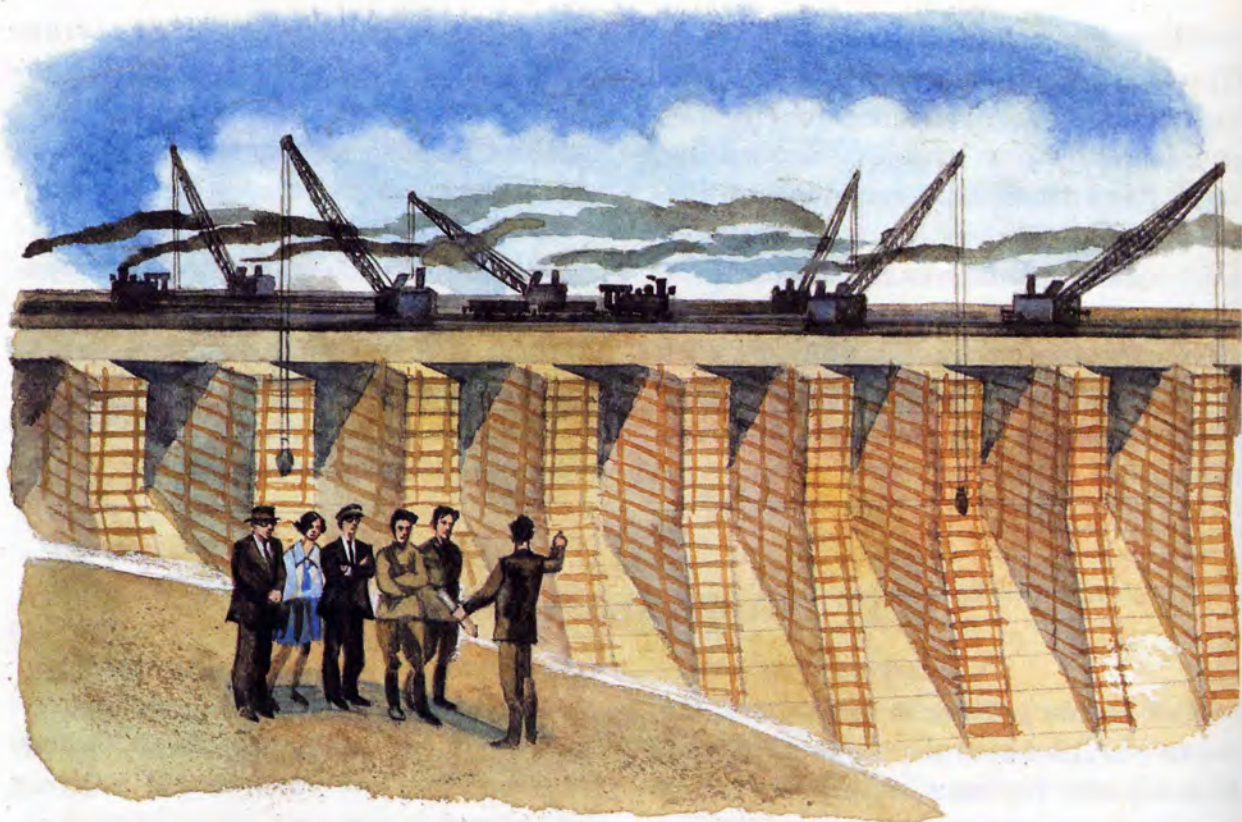
Узнал о встречном плане начальник Днепростроя Александр Васильевич Винтер, схватился за голову:

— Фантазёры! Мечтатели!

Встретился он с рабочими. Повысил голос:

— Ваш план — это три «П».

Вот так загадка. Смутились строители.

Объясняет Винтер — не реален ваш план. Первое «П» — это план, взятый с потолка, второе «П» — это план с пола. Сделал паузу, посмотрел на собравшихся.

— Ну, а третье «П»? — выкрикнул кто-то.

— Третье «П» — это план, высосанный из пальца.

Объясняет он строителям, что с таким объёмом работ не справятся ни камнедробительные, ни бетонные заводы. План завышенный, план нереальный.

Сказал откровенно:

— Липа!

Притихли рабочие. Знают: Винтер не меньше других болеет за стройку, за общее дело. Может, и прав началь-

ник строительства. Разошлись. Остался Винтер один. Немного успокоился. Приостыл. Однако что такое? Никак не выходит у него из головы разговор с рабочими.

— Встречный, встречный, — рассуждает Винтер о плане. — Не согласны рабочие со старым планом. Новый выдвинули. Новый против старого. — Усмехнулся Винтер: — Встречный-поперечный.

Дал он инженерам задание ещё раз всё рассчитать, всё выверить и проверить, всё учесть и взвесить.

Всё подсчитали, всё учли, взвесили, сверили и перепроверили инженеры. Докладывают — с трудом, с большим напряжением, а всё же можно выполнить предложение рабочих.

Посмотрел Винтер на расчёты. Убеждают расчёты.

— Ну что же, придётся согласиться с встречным планом, — произнёс Винтер.

Выполнили днепростроевцы встреч-

ный план. Даже перевыполнили. Уложили за год 518 тысяч кубометров бетона. Доволен был Винтер. Ходил, приговаривал:

— Встречный-поперечный. Встречный-безупречный.

СЛУЧАЙ НА ТУРКСИБЕ

Советские люди строили железную дорогу, которая должна была соединить Среднюю Азию и Сибирь, — Турксиб.

Железнодорожное строительство — это не только прокладывание путевого полотна. Надо построить железнодорожные станции. Надо возвести водокачки. Надо оборудовать переезды через железнодорожное полотно. Многое надо сделать.

Работали на Турксибе и связисты. Прокладывали телеграфную линию. Вкапывали столбы. Натягивали провода. Работали они небольшими группами. Жили в палатках. В числе связистов были Иван Крещенко и Спиридон Огнев.

Знали их на Турксибе. Вот какая необычная история с ними однажды случилась. Работали они на северном участке. Устанавливали телеграфную линию недалеко от станции Кара-Культас.

Эти места известны на редкость сильными грозами. Когда здесь гроза — страшно на небо глянуть. Колют небо огневыми ножами молнии. В сто океанских прибоев кругом гремит. Молнии вёрткие, быстрые. Места здесь

равнинные. Выбирают молнии, во что бы огнём ударить.

Намучились с ними связисты. Телеграфные столбы особенно нравились молниям.

Пронесётся гроза. Посмотрят связисты. На том месте, где только что стояли столбы, торчат лишь обугленные пеньки. С такой силой ударяли молнии, что разлетались телеграфные столбы на щепы, да такие мелкие, что и костра из них не разведёшь.

Нравилась Ивану Крещенко степная гроза. А Огнев, хотя он и Огнев, — грозы боялся. Забивался поглубже в палатку. Крещенко же, наоборот, старался быть поближе к выходу. Не застёгивал он палатку. Одёрнет полог. Смотрит. Посмеивается над Огневым:

— Где ты там? Где ты там? Иди сюда. Какая красота!

Вот и в тот день восхищался. С особой силой метались молнии.

— Красота! Красота! — кричит Крещенко.

И вдруг ударила молния рядом с палаткой. И сразу что-то влетело в самую палатку. Раздался треск, и это что-то взорвалось. Выяснилось: в палатку к связистам через открытый полог попа-

ла шаровая молния. Ударилла она в Крещенко. Заметался Огнев, решил, что погил товарищ.

— Убила его молния, убила! — кричал, когда подошли другие.

Однако Крещенко остался жив. Правда, сорок минут пролежал без сознания. Еле отходили его в тот день.

По-разному приходит известность к людям. Стали из-за этой молнии Крещенко и Огнев очень известными на всём Турксибе.

— Иван Крещенко? Ах, это тот, в которого ударила шаровая молния.

— Спиридон Огнев? Ах, это тот, что был в одной палатке с Крещенко.

Встретят их другие строители:

— Ну как, тире-точки? (Это так называли они связистов.) Что теперь ожидать от вас?

Кто-то выкрикнул:

— Сто пятьдесят процентов выполнения плана.

Улыбнулись связисты:

— Что же, попробуем.

Отлично работали Огнев и Крещенко. Сдержали своё обещание. Стали передовиками, ударниками. Знали их до этого на Турксибе по шаровой молнии. Знают и ценят теперь за труд.

Разные люди у нас в почёте. Высшая слава за подвиг в работе.

КАК КОМСОМОЛЬСК СТАЛ КОМСОМОЛЬСКОМ

Дальний Восток. Полноводный Амур. 1932 год. Поднимаются новые дома на берегу Амура. Это строится город Комсомольск.

Комсомольск не сразу стал Комсомольском. Рядом с местом, которое было выбрано для строительства города, стояло село Пермское.

Пермское оно потому, что когда-то, ещё до революции, основали его крестьяне-переселенцы, приехавшие из бывшей Пермской губернии.

Возник один сруб, второй, третий... Пролегла единственная сельская улица.

Амур здесь полноводный. Берег, на котором стояло село, высокий. Недалеко от села Амур поворачивает, образует большую излучину. Рядом сопки. Сразу за селом начинается дремучий еловый лес.

Тут, на высоком берегу Амура, рядом с селом Пермским и приступили к строительству нового города. Появились первые дома, первые улицы. Название нужно городу.

Объявили строители конкурс, соревнование: кто придумает самое лучшее для него название.

Разные понеслись предложения:

— Высокий!

— Далёкий!

— Лесной!

Ясно ребятам: пока не то.

— Среднеамурск!

— Синегорск!

— Пятилетград!

Ближе. Лучше. Однако снова пока не то.

Кто-то прокричал:

— Комсомолка!

Засмеялись многие:

— Женское имя — городу?!

— А Москва, а Одесса, а город Полтава! — несётся в ответ.

Продолжается спор о названии города. Кто-то сказал:

— Амурград!

Кто-то сказал:

— Добровольск!

Намного лучше. Почти хорошо.

И всё же общего нет согласия. И вот тут-то... Поднялся Ваня Сидоренко.

— Тише! Тише! Вношу предложение: Комсомольск-на-Амуре!

— В самую точку!

— В самый раз!

— Ай да Иван Сидоренко!

Иван Сидоренко был одним из первых, кто приехал сюда на строительство нового города. Не новичок он в строительном деле. Немалый опыт уже за плечами. До Комсомольска трудился

в других местах. Всегда и всюду отлично работал Иван Сидоренко. Газеты о нём писали. Портреты его печатали. Даже в Англию, в далёкий Лондон, ездил однажды Иван Сидоренко. Это была премия за самоотверженный труд.

Был он лучшим среди лучших и при строительстве Комсомольска.

Тут же, в Комсомольске, остался жить. Женился. Четыре сына у него родилось.

А когда разгорелась война с фашистами, ушёл Иван Сидоренко на фронт. Был политруком. Отважно с врагом сражался. Оборвала фашистская пуля жизнь прославленного строителя.

Погиб Иван Сидоренко. А память осталась. Это по его предложению Комсомольск стал Комсомольском. Он, комсомолец Иван Сидоренко, новому городу славное имя дал.

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ-ИРМИНО»

Если от Воронежа ехать к югу — пути приведут в Донбасс. Донбасс — один из богатейших районов Советского Союза. Здесь крупные металлургические заводы. Много других заводов. Много железных дорог. Много шоссе-ных дорог. Но прежде всего Донбасс — это уголь. Углём Донбасс и славен на всю страну.

Сотни угольных шахт покрыли донецкую землю. На сотни километров нескончаемыми коридорами пролегли под землёй штольни и штреки. Куда ни глянешь, поднялись к небу насыпные горы — знаменитые терриконы.

Это своеобразные склады ненужных пород, выдаваемых на поверхность земли из шахт и рудников.

Одна из донецких шахт называется «Центральная-Ирмино». Обычная шахта. Не лучше других, не хуже. И вдруг прославилась «Центральная-Ирмино».

Один из участков шахты «Центральная-Ирмино» называется «Никанор-Восток». Обычный участок. Не лучше других, не хуже. И вдруг прославился «Никанор-Восток».

Небывалое творилось в тот день на шахте «Центральная-Ирмино». Не бы-

ло ещё и пяти часов утра, а у выхода из шахты собрались люди. С минуты на минуту на поверхность земли должен был подняться человек, установивший в эту ночь мировой рекорд.

Мировой рекорд! Не каждый день ведь такое бывает. Особенно под землёй. Мировой рекорд по добыче угля.

В шахтёрском деле разные есть специальности. Главная из них — забойщик. Забойщик — это тот, кто отбойным молотком добывает уголь. В среднем за смену в те, теперь уже далёкие 30-е годы забойщик нарубал около семи тонн угля. Если удавалось нарубить восемь тонн, это считалось хорошо. Если десять, считалось отлично.

Рекорд, который был установлен в эту ночь на шахте «Центральная-Ирмино», на её участке «Никанор-Восток», превышал среднюю норму в 14 раз. 102 тонны угля добыл забойщик. Это и был мировой рекорд.

Радостно встретили товарищи победителей:

— Как настроение?

— Не подводил ли в работе отбойный молоток?

Улыбаются победители:

— Отличное самочувствие.

— На пятёрку с плюсом работал отбойный молоток.

Вслед за вопросами тут же митинг. Выступал начальник участка, товарищи по работе. На лицах у всех улыбки. Общая радость на шахте «Центральная-Ирмино».

Произошло это в ночь с 30-го на 31 августа 1935 года. Имя и фамилия забойщика, установившего мировой рекорд по добыче угля, — Алексей Стаханов.

Прогремело имя Стаханова на всю страну.

Прославилась шахта «Центральная-Ирмино».

СТАХАНОВ И СТАХАНОВЦЫ

Алексей Стаханов родом с Орловщины, из-под города Ливны. Когда вырос, окреп — ушёл на Донбасс, поступил в шахтёры.

Глянули бывалые шахтёры на парня: в лаптях, сундучок за плечами.

— Ну что же, и мы не с большого начинали.

Роста Стаханов высокого. Сила видна в плечах.

— Ну что же, парень, всем видом — тебе в шахтёры!

Разные шахтёрские специальности

испробовал Стаханов, прежде чем стать забойщиком. Был тормозным — притормаживал вагонетки, гружённые углём. Был коногоном — в те годы ещё работали лошади под землёй. Трудился простым обушком — это специальная шахтёрская кирка, которой рубили уголь. Прошло несколько лет. И вот появился в руках у Стаханова отбойный молоток. Быстро освоился, быстро к нему приладился. Месяц от месяца повышалось его мастерство. Уже семь тонн угля выдаёт Стаханов

за смену. Вот — восемь. Вот — девять. Вот десять за смену тонн.

Хорошая норма — десять. Однако нельзя ли больше?

Стали Стаханов и другие шахтёры думать, как же им повысить добычу угля, как улучшить свою работу. Долгие годы труд на угольных шахтах строился так: один и тот же шахтёр выполнял сразу две работы. Когда добывают уголь под землёй, на том месте, где залегал уголь, образуется пустота. Чтобы свод не обвалился, надо его закрепить: поставить стойки, сделать опоры. Добывал уголь и производил крепёжные работы один и тот же человек. Приходилось ему от одной работы переходить к другой, прилагиваться, приспособляться, изменять ритм своего труда, тратить время на замену рабочего инструмента. Подумали шахтёры: а если работу построить другим образом? Пусть забойщик только рубит уголь, а крепёжные работы пусть выполняют другие люди.

Попробовали. Сразу же увеличилась добыча угля. Теперь передовые забойщики стали добывать по сорок и даже по пятьдесят, по шестьдесят тонн угля за смену.

Молодое Советское государство развивалось. В эти годы бурными темпами росла наша промышленность. Стране требовалось всё больше и больше металла, нефти, угля.

И снова у шахтёров вопрос: а можно ли ещё больше повысить нормы добычи угля? Можно ли превзойти и эти рекордные нормы.

— Можно! — ответил трудовым примером Стаханов.

Установил он свой знаменитый рекорд — добыл 102 тонны угля за смену!

Первыми, кто подхватил трудовое начинание Алексея Стаханова, были его же товарищи по шахте «Центральная-Ирмино». Уже через три дня на том же участке «Никанор-Восток» забойщик Мирон Дюканов добыл за смену 115 тонн угля. Прошло ещё два дня, и забойщик комсомолец Концедалов довёл рекорд до 125 тонн угля за смену.

Не остановился на своём достижении и Алексей Стаханов. 9-го сентября 1935 года он установил свой второй рекорд, добыв 175 тонн угля за смену. Прошло немного времени — третий рекорд Стаханова, 227 тонн за смену. Ещё прошло немного времени — четвёртый рекорд Стаханова, 340 тонн за рабочий день.

Угольная шахта «Центральная-Ирмино» была не единственная, где велась борьба за рекорды. И на других шахтах и участках всё больше и больше шахтёров стало намного перевыполнять свои сменные планы.

Движение передовиков росло и ширилось. Последователи Стаханова появились и в других областях промышленного производства: на железнодорожном транспорте, на заводах и фабриках, на совхозных и колхозных полях.

Ширятся, ширятся ряды передовиков. По имени Стаханова их всюду стали называть стахановцами.

ЛЕГКО НА ДУШЕ У ИЗОВОТА

— Едем учиться. Едем учиться. В Москву!

Никита Изотов гулял по курортному городу Сочи. Справа — море, слева — горы. Красота! Любовался Изотов городом, горами, морем, смотрел на таких же, как и он сам, отдыхающих.

— Учиться, учиться. Едем учиться!

Донецкий шахтёр Никита Алексеевич Изотов был зачислен слушателем Промышленной академии в Москве. И вот перед самым началом учёбы был послан на отдых к морю.

Слева — море. Справа — горы. Красота!

Отдохнул Изотов. Вернулся на несколько дней на Донбасс в родную Горловку. Сложил чемодан. Приготовился ехать в Москву. И вдруг...

Зашёл он перед самым отъездом на шахту «Кочегарку». Решил проститься с друзьями.

— Знаешь?

— Читал?! — сразу к нему друзья.

Смотрит Изотов на друзей с удивлением.

— А что такое?

— Значит, не читал. Смотри,— протянули друзья газету.

В газете сообщалось о рекорде Стаханова.

— Вот это дело! Молодец,— произнёс Изотов.

Никита Изотов был сам знаменитым на всю страну шахтёром. Слава к нему пришла ещё в 1932 году. Уже тогда, работая простым обушком, он перевыполнял рабочие планы в четыре, в пять раз. Друзья называли Изотова «врубовой машиной», специалисты — «чудо-забойщиком». В газетах о нём писали. Даже писатель Максим Горький знал про Никиту Изотова. Даже в гости к себе пригласил. Приехал Изотов к Максиму Горькому. Долго они сидели. О разных вещах беседовали.

Заинтересовался Никита Изотов рекордом Алексея Стаханова. Стал он выяснять побольше о самом Стаханове, интересоваться, как тот работает. Узнал, что родился Стаханов недалеко от Орла.

— Недалеко от Орла?! — поразился Изотов.

А дело в том, что сам Изотов тоже из-под Орла.

— Ты смотри, наш мужик — орловской хватки,— пордовался Никита Изотов.

Узнал, что Стаханов тоже начинал свою работу на шахте простым обушком.

— Верная школа,— сказал Изотов.

Рад Изотов за Стаханова. Загорелся желанием и сам попробовать по-стахановски. Уговорил он начальство. Отложил на несколько дней свой отъезд в Москву. Спустился в шахту.

Впился отбойный молоток в угольный пласт.

Пять крепильщиков шли за Изотовым. Едва поспевали они в работе.

Два электровоза вывозили добытый Изотовым уголь. Едва справлялись они с работой.

Уголь шёл и шёл. 241 тонну угля нарубил Изотов за смену.

А вскоре и новый рекорд Изотова — 640 тонн.

640 тонн! Вот это да! Вот так Изотов — «чудо-забойщик»!

Легко на душе у Изотова. Едет в Москву на учёбу Изотов.

РАВНЕНИЕ НА БУСЫГИНА

Ширятся, ширятся ряды стахановцев. Кузнец Александр Бусыгин был гордостью Горьковского автомобильного завода.

Неожиданно он стал кузнецом. Был простым крестьянским парнем.

Приехал на Горьковский автомобильный завод, когда тот ещё строился. Начал работать плотником.

Вырос завод. Нужны заводу рабочие руки.

— Оставайтесь на заводе рабо-

тать,— предлагают недавним строителям.

Появились плакаты: «Поступай на завод рабочим!»

Многие согласились.

— Остаюсь!

— Остаюсь!

— Остаюсь!

В числе тех строителей, которые остались на заводе, был и Александр Бусыгин. Определили его в кузнечный цех. Работал вначале смазчиком. Начал учиться. Освоил новое дело. Стал кузнецом на паровом молоте.

Пришло время. Установил Бусыгин мировые рекорды в кузнечном деле.

Началось всё необычно. Кузнечный цех отставал. Не поставлял он другим цехам вовремя нужных деталей. Особенно плохо обстояло дело со ступицами для автомобильных колёс.

Бусыгин был в это время в отпуске. Пришёл к нему мастер:

— Иди выручай, Бусыгин.

Подумал Бусыгин: просит мастер — неудобно отказывать. Недогулял он целую неделю своего отпуска, вышел на работу.

Хорошо работал Бусыгин. Сам не заметил, как отковал в первый же день 440 ступиц.

— Ого! — поразился мастер.

Это было на 125 ступиц больше, чем полагалось по норме.

Прошла неделя, поправились дела

на заводе со ступицами. Зато обнаружилась нехватка других деталей — коленчатых валов.

Мастер опять к Бусыгину:

— Приходи выручай, Бусыгин.

Перешёл Бусыгин на ковку коленчатых валов. В первый же день и здесь у него успех. Вместо 675 по норме отковал 966 деталей.

— Ого! — опять поразился мастер. — Ты у нас вроде как аварийная бригада.

Смеётся Бусыгин, объясняет мастеру, мол, прочитал он в газетах про Стаханова. Решил работать по-стахановски. А работать по-стахановски — это значит работать по-новому. Предложил Бусыгин в кузнечном деле так же, как Стаханов при добыче угля, разграничить обязанности рабочих. Разный труд стали выполнять члены его бригады: один стоит у печи нагревальщиком, у второго обязанности смазчика, третий — прессовщик.

Поползли вверх рекорды горьковского кузнеца Александра Бусыгина. Никто в мире не мог так быстро выполнять свою работу на паровом молоте, как Александр Бусыгин.

Прошла его слава по Горьковскому автомобильному заводу. Прошла по другим заводам, по всей стране. Много стало у него последователей.

Гордятся кузнецы прославленным мастером:

— Равнение на Бусыгина!

ПАССАЖИРСКИЙ, ТОВАРНЫЙ, СКОРЫЙ

Любили мальчишки Ефим и Юхим стоять у железнодорожного полотна. По звуку приближающегося поезда определять, какого типа состав проходит.

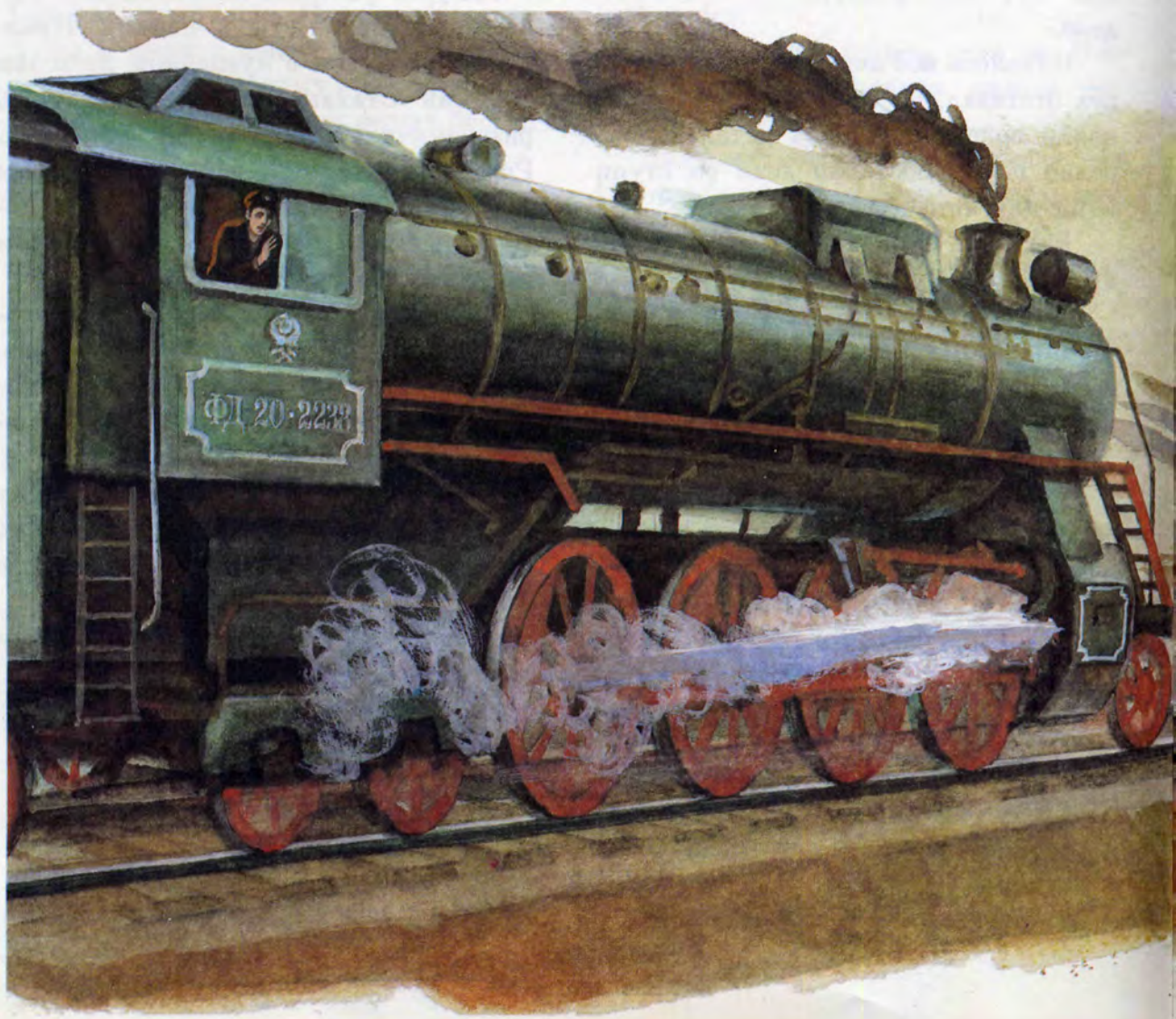
Стоят. Самого поезда пока не видно. Он где-то ещё за поворотом, укрыт придорожными посадками. Поезда не видно, а звук слышен.

Наловчились мальчишки различать поезда. Здорово это у них получалось.

— Товарный! — кричит Ефим.
Верно, проходит товарный поезд.
— Пассажирский! — кричит Юхим.

Верно, идёт пассажирский.
— Скорый! — выкрикнут оба.
И опять нет ошибки. Так точно — несётся скорый.

Как они определяли: то ли по стук-у вагонных колёс, то ли по пыхтению паровоза, то ли по гулу колёс, то ли

ещё по каким-то приметам — неизвестно. Однако редко неточность у них случалась. Последний месяц и вовсе нет.

Живут мальчишки на Донбассе в рабочем посёлке на перегоне между станциями Славянск и Лозовая.

Часто играли они в узнавание поездов. Вот и в тот день.

Стоят приятели у насыпи, раздаются ребячьи голоса.

— Пассажирский!

— Товарный!

— Скорый!

Всё верно. Всё в точку.

— Скорый!

— Пассажирский!

— Товарный!

И эти — в точку.

И вдруг!..

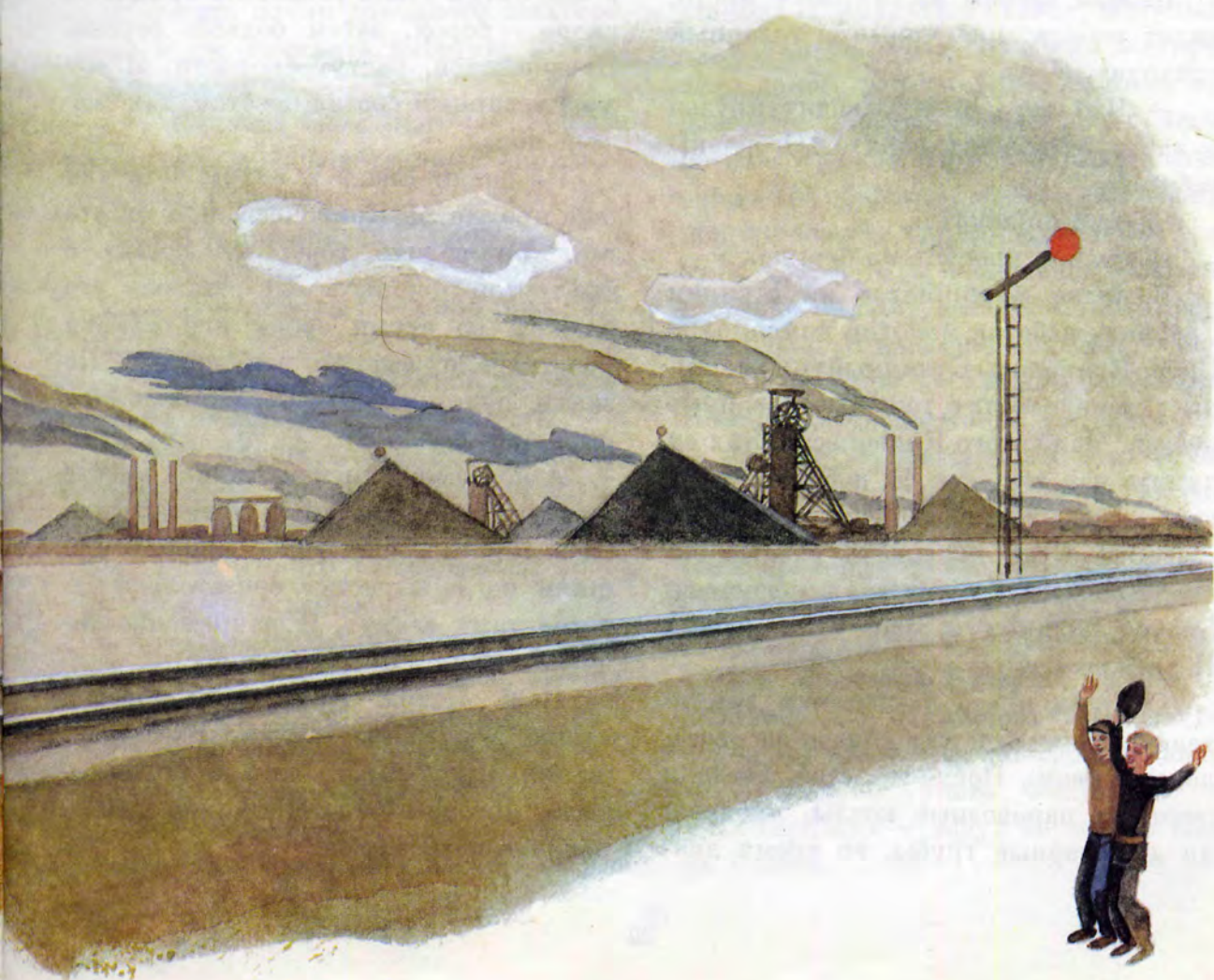
— Скорый, — сказал Ефим.

— Скорый, — сказал Юхим.

Выскочил состав из-за поворота, открылся просвет в лесопосадке, смотрят мальчишки: а это не скорый — товарный поезд.

Глянул Ефим на Юхима. Глянул Юхим на Ефима.

— Товарный, — как бы всё ещё сомневаясь, выдал из себя Ефим.

— Товарный, — сокрушённо кивнул Юхим.

Не допустили в тот день они больше ошибки. До темноты у насыпи простояли. Раз пятнадцать искусство своё доказали.

Прошло несколько дней. Снова на любимом месте стоят мальчишки. Снова, как капли, слова срываются:

— Пассажирский!

— Товарный!

— Скорый!

Вот вновь слышался стук состава. Прислушались мальчишки.

— Скорый! — кричит Ефим.

— Скорый! — кричит Юхим.

Вышли вагоны на открытое место, видят ребята: не скорый — товарный проходит поезд.

— Что такое?! — разводят друзья руками. Удивлены ребята. Огорчены ребята.

Где же ошибка?

В чём же просчёт мальчишек?

В числе машинистов на станции Славянск работал молодой комсомолец Пётр Кривонос. Отличный он машинист. Умело водит тяжёлые товарные поезда. Мало этого Кривоносу. Стал он думать над тем, как бы добиться того, чтобы повысилась скорость товарных составов. Стал проводить разные эксперименты. От паровозов всё зависит. Значит, начнём с паровоза, решил Пётр Кривонос.

Стал он и его помощники внимательно следить и ухаживать за своим локомотивом. После каждой поездки очищали паровозные котлы, продували дымогарные трубы, во время дви-

жения выбирали наиболее выгодный режим в работе паровозной топки. Как свои пять пальцев изучил Кривонос и весь участок железнодорожного пути между станциями Славянск и Лозовая. Закроет глаза, а точно скажет, где какой спуск, где подъём, где крутой поворот. Знает он с точностью до метра, где надо притормозить, в каком месте можно развить максимальную скорость.

Не зря трудилась паровозная бригада Петра Кривоноса, не зря искали люди новых путей в работе. Скорости стали расти. Раньше ездили со скоростью двадцать четыре километра в час. Затем стали развивать тридцать, скоро — сорок, затем больше сорока. Повышаются, растут скорости. И вот уже товарный состав несётся, как скорый поезд.

Не знали Ефим и Юхим в те дни ещё про Петра Кривоноса, про то, что стал он водить товарные поезда с быстротой скорых. Не знали, что дважды во время своих игр-гаданий повстречали именно эти поезда. Не знали, поэтому так и поражались своим ошибкам.

А когда узнали, радовались вместе со всеми замечательным успехам прославленного железнодорожника. Решили, когда вырастут, обязательно машинистами станут. И непременно такими же, как Пётр Кривонос.

Имя Петра Кривоноса навечно вошло в историю стахановского движения. Он положил начало стахановским методам работы на железнодорожном транспорте.

«ФОКУСЫ» ИВАНА ГУДОВА

— Не верю. Не верю. Не может быть!

Не верил инженер Кириллов в рекорды Гудова.

Иван Гудов — металлист, фрезеровщик. Работал на Московском станкостроительном заводе имени Орджоникидзе.

Началось всё с того, что Гудов, как и многие другие, узнал о рекорде Алексея Стаханова.

Стал он и некоторые из его товарищей говорить, что, мол, и им на своём станкостроительном заводе надо поддержать почин донецкого шахтёра, пора и им начинать работать по-стахановски.

— Ну хотя бы в полтора-два раза превысим производственные нормы, — предлагал Гудов.

Многие покачивали головой.

— В два раза! Куда хватанул!

— А Стаханов? — напомнил Гудов.

— Сравнил, — раздались голоса. — Станки делать — не уголь копать.

— Фантазия, — заявил инженер Кириллов.

Обидно стало Гудову. Решил он на деле доказать, что и металлисты могут работать по-стахановски.

Доказал. Выполнил за смену не две, а сразу четыре нормы — четыреста процентов плана.

Не все поверили в этот успех. Не поверил и инженер Кириллов:

— Фокусы!

Решил тогда Гудов повторить при

всех своё достижение. Собрались и друзья, и те, кто сомневался в рекорде Гудова. Пришёл и инженер Кириллов.

Приступил Гудов к работе.

И что же? Завершилась смена. Подвели итоги. Не четыре, а теперь целых четырнадцать сменных норм, тысячу четыреста процентов дневного плана, выполнил Гудов.

Дивились все на Гудова, на его станок. Гудова со всех сторон рассматривали, словно сомневались, да тот ли это Гудов. Вокруг станка и в одну и в другую сторону обходили. Что за чудостанок? Нормальный станок, обычный.

Стали разбираться, в чем же причина такого успеха фрезеровщика Гудова. Не скрывал Гудов своих «секретов». Прежде всего намного повысил скорость оборотов станка. В работе использовал не одну, как обычно, фрезу, а две, а то и несколько. Зажимал в станке не одну деталь, а тоже сразу несколько. И ещё очень важное — экономил секунды на каждом движении. Немало набежало таких секунд.

Вскоре Гудов доказал, что и четырнадцать дневных норм — это ещё не предел в его работе. Самый выдающийся рекорд знаменитого фрезеровщика — девяносто дневных норм за смену, то есть девять тысяч процентов плана.

Все признали рекорды Гудова. И даже инженер Кириллов. И всё же говорил по привычке, но одобрительно:

— Фокусы Гудова. Фокусы!

«Чародей» — зовут на заводе Ивана Гудова.

ТКАЧИХИ ВІНОГРАДОВЫ

Вичугские ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы получили телеграмму из Москвы. «Приглашаем дорогих сестёр, — указывалось в телеграмме, — по прибытии в Москву посетить экономический отдел «Правды».

Приятная телеграмма. Приятное приглашение. Радостно Дусе и Марусе.

Молодые они. Стройные, красивые. Работают сменщицами на одних и тех же станках. А станков не один, не два, не пять, даже не десять. Сразу на семидесяти станках работают девушки. Правда, началось всё с немногого.

Вначале Дуся Виноградова работала на двух станках. Затем на четырёх. Хорошо работала.

— Что для тебя четыре станка — ерунда, — говорят Дусе.

Перевели её работать сразу на шестнадцати станках.

Боялась Дуся:

— Ой, не справлюсь.

Однако справилась.

Опять говорят Дусе:

— Что для тебя шестнадцать станков — ерунда. Переходи на двадцать шесть.

— Ой, не справлюсь.

Однако справилась. Работа и здесь заладилась.

Вскоре Дуся Виноградова освоила работу на тридцати пяти станках, затем на пятидесяти двух, и вот наконец на семидесяти.

И у Маруси Виноградовой приблизительно так же сложилась трудовая

жизнь. Вначале работала на одном станке, затем на двух, потом на двенадцати, на шестнадцати, на двадцати шести, на сорока. И вот так же, как и Дуся, — сразу на семидесяти.

Семьдесят станков — это целый огромный зал.

Ходят текстильщицы от станка к станку, проверяют, чтобы нитка нигде не оборвалась, чтобы станки были налажены и чётко работали, чтобы сырьё поступало в машины доброкачественное. Подсчитали девушки: работая на семидесяти станках, по десять километров проходят они за смену. Смеются Дуся с Марусей, называют себя — стайеры. Стайеры — это бегуны на дальние дистанции.

Множатся, множатся ряды стахановцев. Вот и к ткачихам из города Вичуги пришла весть об Алексее Стаханове. Отлично работали Дуся и Маруся. Однако теперь захотелось им работать ещё лучше. Посоветовались. Убедились, если всё лучше рассчитать, если удобнее всё на рабочих местах расставить, можно и на большем количестве станков работать. Пришли к заведующему фабрикой, говорят:

— Берём сто станков. Будем работать на ста станках.

— На ста?! — вырвалось у заведующего.

— На ста, — отвечают Дуся и Маруся. — Хотим быть стахановцами.

— Да вы уже и так стахановцы, — ответил заведующий.

Разрешил он девушкам приступить

к работе на ста станках. Начали они работу. Справились с работой. Бежит, бежит в машинах готовая ткань. Метр за метром, метр за метром, десятки, сотни, тысячи метров.

Освоили молодые ткачихи работу на ста станках, перешли на сто сорок четыре, затем на двести восемь, затем на двести шестнадцать. По двадцать пять километров приходилось теперь проходить им за смену, обходя все станки.

За свой стахановский труд Дуся и Маруся Виноградовы были приглашены в Москву. Тогда-то перед выездом к ним и пришла телеграмма из газеты «Правда».

Приятная телеграмма. Однако одно их смущало. Назвали Виноградовых в телеграмме сёстрами. А дело в том,

что они вовсе не сёстры. Хотя и у Дуси Виноградовой маму зовут Прасковьей Ивановной. И у Маруси — Прасковьей Ивановной. Но это разные мамы. И папы разные. Не сёстры они, а просто однофамильцы. Впрочем, многие тогда считали их сёстрами.

Стали Дуся и Маруся думать, как же им ответить в «Правду». Ответили так:

«Мы однофамильцы Приглашение принято Сёстры по труду Дуся Маруся».

Трудовой почин Дуси и Маруси Виноградовых имел очень большое значение для развития нашей текстильной промышленности. Вслед за ними и другие ткачихи начали работать сразу на многих станках, то есть стали многостаночницами.

МАЛЬЧИК СО «СКОРОХОДА»

Николай Сметанин поступил на ленинградскую фабрику «Скороход» двенадцатилетним мальчиком.

«Скороход» — фабрика обувная. Выполнял Сметанин вначале всякие мелкие поручения: заготовки подносил рабочим, инструменты, бегал для взрослых за папиросами. Носится Коля из цеха в цех. Мелькает мальчишечья чёлка.

— Наш Коля-Николаша, — называют рабочие нежно Сметанина.

Только недолго он пробыл мальчиком на побегушках. Старался сам стать быстрее рабочим. Стал учиться ремеслу. Освоил сапожное дело. Пришло время, стал Коля Сметанин за рабочий станок. Профессия у него — перетяжчик. Работа ответственная. Именно от перетяжчика зависит, красивой ли и прочной получится обувь. Самое сложное в обувном деле — точно по модели сделать носок ботинка. Этим и занимается перетяжчик.

Быстро побегало время. Настал срок военной службы. Два года пробыл Сметанин в армии. Затем снова вернулся на «Скороход». Нравилось ему сапожное ремесло. Нравился и сам завод. Ходил на работу, как на праздник. Идёт налево, направо поглядывает — на прохожих, смотрит, кто во что обут. Увидит ботинки родного завода — душа радуется:

— Наши — «скороходовские».

Наступил 1935 год. Всю страну облетела весть о знаменитом рекорде Алексея Стаханова.

Взволновала эта весть всех на «Скороходе». Взволновала и Николая Сметанина.

Стал Сметанин думать о том, как бы ему повысить производительность труда на своём станке.

У перетяжчика руки всё время в движении. Пустить в ход станок, взять ботинок, поднести его к станку, после завершения рабочей операции на машине передать ботинок следующему мастеру — всё это делается движением рук, на всё это надо время.

Обратил внимание Сметанин на то, что часто во время работы движения рук мастера бывают лишними, движения эти происходят без всякой необходимости, без пользы для дела. Руки совершают как бы «холостой» ход.

Стал Николай Сметанин улучшать, совершенствовать условия своего труда. Всё необходимое для работы придвинул как можно ближе к самому станку. Научился одним движением руки и пускать в движение станок, и брать заготовку очередного ботинка. Сократил расстояние, которое должна проходить рука, передавая дальше уже обработанный им ботинок. Продумал и многое другое.

И вот наступил день, когда Николай Сметанин сказал, что он за смену в два раза превысит рабочую норму.

Приступил Сметанин к работе. Бегут, бегут минуты. Прошло полчаса. Прошёл час. Подсчитали. Двести пар обуви перетянул Сметанин. (А надо было всего сто.)

Бегут, бегут минуты. Прошёл ещё час. Подсчитали. Двести двадцать пар обуви перетянул Сметанин. Вырастает рядом со станком Сметанина целая гора ботинок.

Кто-то сказал:

— Казбек!

Кто-то сказал:

— Монблан!

Быстро, красиво работает Сметанин. Раздаются восторженные возгласы:

— Художник!

— Артист!

Вот уже 600 пар готово. Вот — 800. Вот тысяча. 1100. 1200. 1300. Подходит к исходу рабочее время.

— Кончай! Завершилась смена.

Подсчитали. 1400 пар обуви сошло со станка Сметанина.

Сдержал Сметанин данное слово. Больше чем в два раза он выполнил свою дневную рабочую норму.

Поздравляли в тот день Сметанина.

— Ай да Коля! Ай да Николаша!

И тут же уважительно:

— Николай Сергеевич!

Вслед за Сметаниным много и других стахановцев появилось на «Скороходе». Появились они и на других обувных фабриках. Судьба самого Николая Сметанина была примечательной. Прошло всего несколько лет, и он, бывший мальчик со «Скорохода», стал заместителем народного комиссара лёгкой промышленности СССР.

ТРИ ПОДВИГА МАКАРА МАЗАЯ

Сталевар. Огненная профессия. Сталевар — это тот, кто варит в мартенах сталь. Мартены — большие специальные печи. Тяжёлая профессия у сталеваров. Тяжёлая и ответственная.

В городе Мариуполе возвышается огромный металлургический завод. Называется он Азовсталь. Азовсталь потому, что город Мариуполь стоит на берегу Азовского моря. В Мариуполе на Азовстали сталеваром работал Макар Мазай.

Прожил Макар Мазай всего тридцать лет. Три подвига совершил он в жизни.

Родился Макар Мазай на Кубани. Рано остался сиротой. Стал пастушон-

ком. Батрачил у богатеев. Затем полтора года был беспризорником.

Задумался однажды Макар Мазай. Кругом утвердилась Советская власть, а он — в беспризорниках.

Решил поступить на работу. Нашлись добрые люди, приняли Макара Мазая на Азовсталь. Начал Макар Мазай осваивать нелёгкий труд металлургов-сталелитейщиков, стал учиться, много читал, ходил на всякие лекции и занятия. Потом Макара Мазая послали учиться в Москву. Пришёл он на Азовсталь — едва умел писать, едва умел читать. А теперь стал слушателем Промышленной академии. Это была первая победа, первый подвиг Макара Мазая.

На Азовстали Макар Мазай вначале работал подручным, помощником сталевара. Пытливый он был, наблюдательным. Прошло совсем немного времени. И вот Макар Мазай и сам в сталеварах. Талантливым он оказался человеком. Прекрасным мастером. Поставил Макар Мазай перед собой задачу — доказать, что в мартеновских печах можно сварить стали намного больше, чем варили её до этого.

Как везде, так и здесь, в сталелитейном деле, есть свои нормы. Стал Макар Мазай выдающимся сталеваром. Побил он все мировые рекорды. Стал лучшим сталеваром Советского Союза. Был признан лучшим сталеваром мира.

Это был второй подвиг Макара Мазая.

Пришёл час — совершил и третий.

В 1941 году фашисты напали на Советский Союз. В начале войны они были сильнее и их армии продвигались вперёд. Ворвались фашисты и в

город Мариуполь, захватили Азовсталь. Макар Мазай ушёл в подпольщики, начал вместе с другими борьбу с фашистами. Враги выследили знатного сталевара. Они схватили Макара Мазая.

Знают фашисты, чем прославлен Макар Мазай. Предлагают ему жизнь, деньги, почёт и даже поездку в Германию. Условие одно — пусть Макар Мазай изменит своей Родине, пусть вернётся к своему труду сталевара, пусть начнёт работать на фашистскую Германию.

Плюнул Макар Мазай фашистам в лицо. Бросили фашисты Макара Мазая в тюрьму. Долго пытали:

— Согласен?

— Нет!

— Согласен?

— Нет.

Погиб Мазай. Не изменил он своему народу, своей стране.

Совершил свой последний подвиг. Вечная память и честь герою!

БРИГАДА ПАШИ АНГЕЛИНОЙ

Паша Ангелина — бригадир тракторной бригады. Женской. Комсомольской. Мало кто из женщин в те годы умел управлять трактором. А тут сразу целая бригада. Женская. Первая.

Создана она была в Старобешевской МТС Донецкой области. МТС — это машинно-тракторная станция. Существовали в то время такие станции. Были образованы они в помощь колхозам.

Скажем, наступит пора пахоты, обрабатываются колхозы в МТС, просят прислать тракторы. Приезжают тракторы, вспахивают колхозную землю.

Наступила пора уборки урожая. Просят колхозники прислать им комбайны.

Приходят комбайны, помогают колхозникам убирать урожай с полей.

Когда Паша Ангелина создавала

свою женскую тракторную бригаду, многие посмеивались.

— Это вам не борщи варить.

— Не корм для свиней рубить.

Водить трактор не женским считалось делом.

— Посмотрим, посмотрим, — отвечала серьёзно Паша.

Прошло немного времени. И тут... Вот когда все ахнули. Особенно мужчины. Стали в Донецкой области подводиться итоги работы тракторных бригад. Оказалось, что на первое место из всех бригад вышла женская бригада Паши Ангелиной.

Прошло ещё немного времени. И снова ахи, и снова ахи. И снова общее удивление.

Бригада Паши Ангелиной была признана лучшей и по всей Украине.

Своим личным трудом Паша всем показывала пример. По норме тракторист должен был за смену вспахать три с половиной гектара земли.

Паша Ангелина за смену вспахивала почти по девять гектаров.

Паша была требовательным бригадиром.

Понамучились поначалу Наташа и Мария Радченко, став членами бригады Паши Ангелиной. Бегут они как-то к трактору.

— Подождите, — вдруг окликают их Паша Ангелина.

Остановились девушки.

— Почему в грязной одежде? — спрашивает бригадир.

— Так ведь трактор, — отвечают Наташа и Маша.

— Машина наравне с нами любит чистоту, — сказала Ангелина.

Вот её девиз: если трактористка грязная, не смей подходить к трактору.

Работали как-то Наташа и Мария в ночную смену. Выполнили свою норму. Соскочили с трактора. Бегут завтракать.

— Подождите, — опять окликает Паша.

Остановились Наташа и Маша.

— Почему не умылись и не переоделись? — спрашивает бригадир.

Покраснели Наташа и Маша. Принимают: права Ангелина.

Идеальный порядок навела Паша Ангелина у себя в бригаде.

Пример Паши Ангелиной увлёк многих. Всё больше и больше девушек и женщин стали осваивать сложную сельскохозяйственную технику. Прошло всего лишь три года, и только в одном Донбассе было уже сто женских тракторных бригад.

Встретил как-то Алексей Стаханов Ангелину:

— Ну как, землячка?

Улыбнулась Паша Ангелина:

— Всё отлично, всё по-донбасски, всё по-стахановски.

СЛОВО И ДЕЛО МАРИИ ДЕМЧЕНКО

Небольшого роста. Светленькая. В веснушках. Глаза бойкие. Стрижка под мальчика. Это Мария Демченко.

Совсем юной вступила она в комсомол. Совсем юной работала бетонщицей на строительстве Магнитогорска. Затем вернулась к себе на Киевщину в родное село Староселье.

Прославила девушка Староселье.

Создала Мария Демченко в родном колхозе комсомольское звено по выращиванию и уборке сахарной свёклы. С жаром, с энтузиазмом работали комсомольцы на своей сахарной плантации. В 1934 году Мария Демченко со своим звеном собрала по 469 центне-

ров свёклы с гектара. Это был выдающийся успех. Обычно в те годы сахарной свёклы с гектара собирали всего около ста центнеров.

В том же 1934 году в Москве в Кремле происходил съезд колхозников-ударников. На съезд приехала и Мария Демченко. Её избрали в президиум.

Знают уже многие про Марию Демченко. Перешёптываются в зале:

— Где она? Где она?

— Да вот же — маленькая, светленькая.

— Вот та?

— Ну да!

— Та, что под мальчика стрижена?
— Под мальчика. Лицо с веснушками.

В Москве на съезде пообещала Мария Демченко в будущем, 1935 году собрать по пятьсот центнеров сахарной свёклы с гектара.

Обещать легко. Выполнять труднее. Начались нелёгкие дни у старо-сельских девушек. Собрала Мария Демченко членов своего звена. Обсудили они, как им лучше трудиться, в какие сроки лучше производить те или иные работы, как лучше ухаживать за почвой и растениями.

Не получилась в тот год погода. Немало хлопот доставила она свекловодам.

В апреле вдруг накатились заморозки. Как же спасти посевы? Не заставишь же солнце спуститься с неба. Не притащишь же печи из хат крестьянских. И всё же есть способ не дать погибнуть будущим побегам. Для этого надо окуривать свекловичную плантацию дымом.

Вышли Мария Демченко и её подруги в поле. Стали на поле носить солому. Раскладывают её, поджигают. Горит солома, несёт тепло. Таскают комсомольцы солому. Горы нужны соломы. Не хватило соломы. Стали тогда девушки рвать сорняки. Таскают, та-

скают, таскают. Обчистили всё до былинки. Не сыщешь нигде хворостинки. Жгли навоз, камыш, залежалое сено. Спасли от беды посевы.

Наступило лето. Тепло. Благодать. Только в рост побежала свёкла. И тут... Нет дождей. Не хватает растениям влаги. Смотрят люди на небо. Облачка нет на небе. Сто шесть дней знойное солнце палило, терзало землю.

— Воды! Воды! — молила, кричала земля.

Дали воду земле комсомольцы. Вёдра в руки. Бегом к колодцам. Таскали, таскали, таскали воду. Мозоли на руках набили. Поили, поили землю. Ожила свёкла:

— Спасибо!

Набирают клубни вес. Будет отчизне сахар.

Однако не все отошли невзгоды. Луговой мотылёк — грозный вредитель — налетел на поля свекловодов.

И снова дни и часы труда. И снова за урожай борьба.

Выполнила Мария Демченко данное обещание. Почти по 524 центнера свёклы собрала она и её подруги с каждого гектара земли.

Об этом успехе газета «Правда» тогда писала. Статья называлась «Слово и дело Марии Демченко».

РЕПЕТИЦИЯ ТАИСИИ ПРОКОПЬЕВОЙ

Репетиция — так звали корову. Ухаживала за ней доярка Таисия Прокопьева.

Жила Тася Прокопьева на Севере,

в Холмогорском районе. Недалеко от Белого моря. Рядом река Северная Двина. Луга здесь бескрайние. Травы высокие. Места отличные для коров.

Работала Тася в холмогорском племенном совхозе. Она комсомолка. Ей девятнадцать лет.

Нелёгкий труд — ухаживать за коровами. За каждой из них присмотри: вовремя подои, вовремя накорми, вовремя напои. Но не только этим занимались девушки-доярки. Воду возили для коров. Пилили и кололи дрова, сами отапливали скотные дворы. Дробили жмых, чистили коровники, вывозили навоз. Много разных дел на скотоводческих фермах.

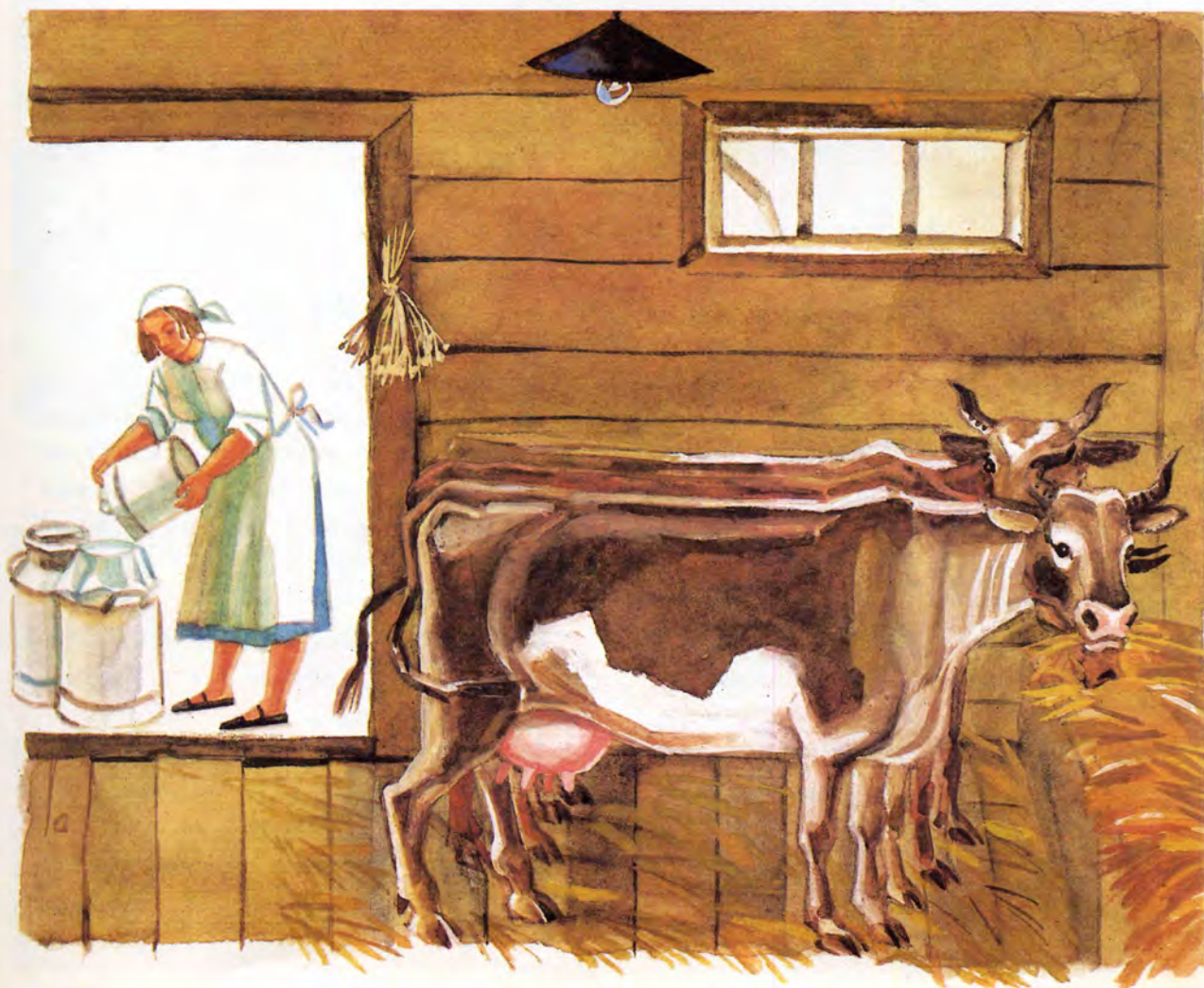
У Таисии Прокопьевой, кроме Репетиции, были Золушка, Пегая,

Радость и ещё три другие коровы. Всего семь. Не жалела Тася ни труда, ни времени.

С утра до вечера ухаживала за своими коровами. Каждый день каждую из них мыла, чистила щёткой, протирала тряпкой. Знала вкусы и привычки любой из своих воспитанниц.

Знает Тася, что Репетиция любит пить воду чуть подогретой. Специально подогревает для неё воду.

Знает, что Золушка даже зимой любит выходить из коровника на прогулку. Специально её выпускает.

Знает, что Пегая любит есть жмых, чуть посыпанный сверху солью. Специально его присыпает.

Знает, что для Радости — радость, если за ухом её погладить. Гладит её за ухом.

Так и с другими коровами.

— Молодец. Индивидуальный подход, — говорил совхозный зоотехник.

Всех своих коров любила Таисия. Однако всё же самой любимой была Репетиция.

Входит Тася в коровник:

— Здравствуй, Репетиция!

«Му-у», — отвечает на приветствие Репетиция.

Если Тася придумывала что-нибудь новое в уходе за коровами, начинала пробовать обязательно с Репетиции.

Смеялись другие:

— Репетиция на Репетиции.

Докатилась весть о стахановском движении и сюда, в Холмогорский район. Стали холмогорские доярки соревноваться в том, чтобы надоить от каждой коровы как можно больше молока. Первое место в этом соревновании заняла Тася Прокопьева.

Порадовали её и Золушка, и Пегая, и Радость, и другие коровы. Особенно Репетиция.

В 1935 году Репетиция дала 7791 литр молока. Это был рекорд.

Улыбается Тася Прокопьева:

— Это только начало. Это только репетиция.

Так и получилось. Удалась репетиция. Следующий, 1936 год принёс новые успехи Тасе. Теперь уже все её коровы стали рекордистками. А сама Таисия Прокопьева была признана лучшей дояркой Советского Союза.

Её наградили орденом Ленина.

ДНИ И НОЧИ КОНСТАНТИНА БОРИНА

Кубань. Без края поля, без меры. Литой колос, как путник, под ношей гнётся.

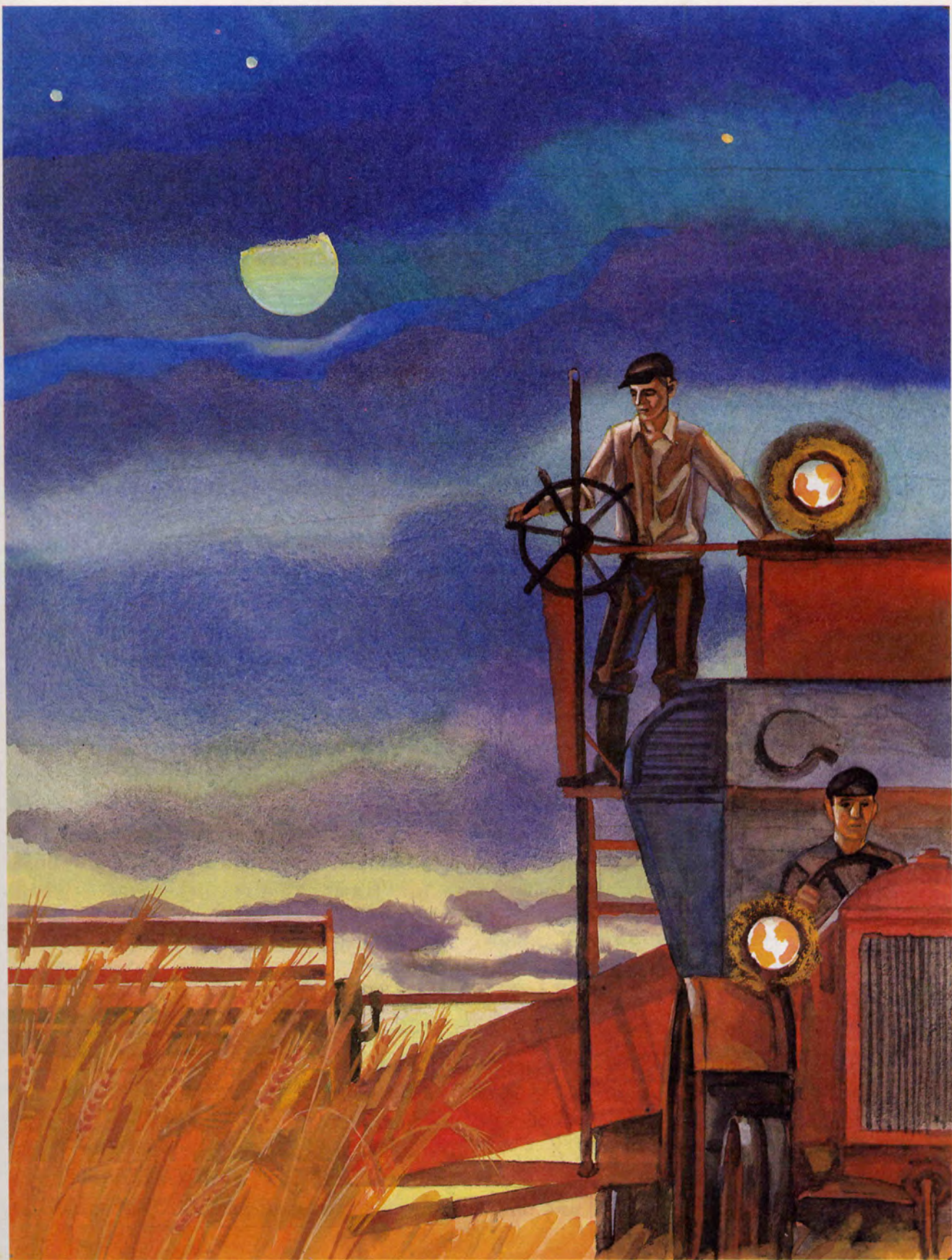
Поражались люди, глядя на Борина: 950 человек заменяет, 150 лошадей, 37 веелок.

Константин Борин — комбайнер. Это, конечно, не он, не Константин Борин, а комбайн заменяет своей работой 950 человек, 150 лошадей, 37 веелок. Но управляет им, трудится на комбайне Борин. Константин Борин стал одним из первых стахановцев на Кубани.

Комбайн — удивительная машина. Сразу несколько работ производит он в поле: косит, молотит, веет. Бежит золотым ручьём из комбайна зерно. Подъезжай, загружай, увози урожай, машины.

Комбайн, на котором работал Константин Борин, назывался «Коммунар». Норма уборки зерна «Коммунаром» 160 гектаров за сезон. В 1935 году Борин собрал урожай с 780 гектаров.

Как же добился Борин таких успехов?

— С комбайном надо обращаться на «Вы», — говорил Борин. — На «Вы» — это значит быть вежливым и внимательным. Следить постоянно за комбайном, проверять исправность и надёжность каждого из его агрегатов.

— Есть какие-нибудь жалобы, Коммунар Иванович? — спросит Борин у комбайна.

Проверит, хорошо ли смазаны подшипники, правильно ли натянуты цепи и приводные ремни, надёжно ли затянуты всюду гайки.

Проверит, улыбнётся.

— Здоров, здоров, Коммунар Иванович.

Ещё задолго до начала уборки выйдет Борин в поле. Взглянет на ширь, на даль.

— Поторапливайтесь, ждём вас, — скажет созревающему зерну, колосьям.

Осмотрит он поле, представит, как лучше косить, с какой стороны комбайну заходить удобнее, в каком месте выбрать какую скорость.

Подходит пора уборки. Всё готово у Борина. Всё проверено и перепроверено. Стоит комбайн. Ждёт, как спортсмен, команды.

Звучит наконец команда. Наступает долгожданный день. Первый день уборки нового урожая.

Привыкли все к ударной работе Борина. А тут и ещё одно.

Всем хорош комбайн. Только вот беда. Работали в те годы комбайны только днём. Но не всегда погода стоит хорошая. То светит солнце, то вдруг — дожди. Ясно: чем скорее соберёшь урожай, тем и потери меньше. Вот бы ночью заставить комбайн работать. Об этом и думал Борин: «Ночью работать. Ночью!»

Соорудил Борин специальные огни для комбайна. Вышел с огнями в поле.

Сбежались люди:

— Гляньте, комбайн с глазами.

Константин Борин был первым в стране, кто предложил производить уборку зерна комбайном не только днём, но и ночью. Предложил и первым же начал.

Кубань. Без края поля, без меры. Литой колос, как путник под ношей, гнётся.

Страда на Кубани. Пора урожая. Как капитаны у штурвалов, стоят комбайнеры. Идут один за одним комбайны. Плывут по океану-полю.

ШКОЛА КУВШИННИКОВА

Заметили другие рабочие — непонятное что-то происходит с рамщиком Мусинским. Что-то он недоговаривает. Что-то от всех скрывает.

Понимают: какая-то тайна.

Город Архангельск. Лесопильный

завод. Потребность в те годы в досках, в брёвнах, в других строительных материалах, приготовляемых из древесины, была огромной. Страна строилась.

Работал на Архангельском лесопильном заводе рамщик Василий Му-

синский. Рамщик — это профессия. Брёвна распиливаются на специальных установках, которые называются лесопильные рамы. Рамщик и есть тот человек, который работает на лесопильной раме. От рамщиков прежде всего и зависит успех общего дела. Они — главная сила на лесозаводе.

В те годы сменная выработка на одну раму была утверждена в девяносто пять кубических метров древесины. Стал Мусинский думать, а нельзя ли повысить эту норму. Начал делать всякие расчёты. Получалось, что можно. Вот лишь один пример.

На лесопильной раме не пила «набегает» на бревно, а, наоборот, само бревно идёт навстречу пиле. «А что, если повысить скорость продвижения распиливаемого бревна?» — подумал Мусинский.

С этого момента и появилась у Мусинского тайна. Стал он увеличивать скорость. Выработка сразу намного повысилась.

Занимался своими опытами Мусинский тайком, потому что кое-кто из местного начальства запрещал повышать скорость работы лесопильных рам. «А вдруг произойдёт поломка?!» — боялись такие начальники.

Однако Мусинский был уверен, что рамы вполне пригодны для более быстрой работы. У Мусинского сменщиком был совсем молодой рабочий комсомолец Федя Кувшинников. Поделился Мусинский с Кувшинниковым своим секретом. Теперь уже и у Кувшинникова появилась тайна. Научился он, как по-новому обращаться с рамой. Верно: намного быстрее идёт работа.

Посоветовались Мусинский и Кувшинников, решили обо всём рассказать руководителям завода. Разобрались те, что к чему.

Семь раз проверили и перепроверили. Сказали рабочим-новаторам: — Молодцы!

Не надо теперь уже Мусинскому и Кувшинникову экспериментировать тайно. Поддержано их начинание. Особенно больших успехов в труде добился Фёдор Кувшинников. Прошло немного времени, и Фёдор Кувшинников установил мировой рекорд работы на пилораме. Стали многие у него учиться. Образовались даже целые группы. Занятия проходили и в специальном классе, и у самой пилорамы.

Вскоре появилось выражение «школа Кувшинникова». Многие знатные рамщики-стахановцы вышли из этой школы.

Фёдор Кувшинников был не только прекрасным мастером, но и очень чутким, отзывчивым и внимательным человеком.

Случится у кого-нибудь беда. К кому обратиться?

— Иди к Кувшинникову.

Нужна кому-нибудь срочная помощь. К кому обратиться?

— Иди к Кувшинникову.

Всегда — днём и ночью, зимой и летом — поможет Кувшинников делом, поможет словом. Не даст обидеть, заступится за тебя.

И этим качествам другие тоже стали у него учиться. И это была тоже школа Кувшинникова.

Важная школа. Отличная школа.

ТОЧНОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Таня Славникова работала сверловщицей на металлическом заводе в Харькове.

Было у Славниковой одно увлечение. Занималась она парашютным

спортом. Любила шум авиационных моторов. Любила простор лётного поля. Обожала раннее утро — пору, когда начиналась аэродромная жизнь.

Когда поднималась девушка в воз-

дух, захватывало дух у Тани. Внизу — всё как на ладонке. Только всё маленькое, как игрушечное. И дома, и машины, и люди. Если подняться высоко, людей и вовсе не видно. Летит словно на сказочном ковре-самолёте Таня.

Но вот наступает самый волнующий момент для парашютиста. Вы-

ходит Таня на крыло самолёта. Сейчас лётчик подаст команду: «Пошёл!»

Надо будет сделать шаг вперёд. Ступить в воздушную пропасть.

— Пошёл! — кричит лётчик.

Делает Таня шаг. Замирает сердце. Тревожная мысль: надо дёрнуть кольцо. «Дёрнуть кольцо» — это значит раскрыть парашют.

Дёргает Таня кольцо. Секунда, вторая... Вдруг резкий рывок, удар. Это парашют раскрылся, началось торможение. Не падает теперь Таня, а парит в воздухе, плавно спускается на землю. Вот всё яснее видны фигуры людей. Крупнее машины. Дома крупнее.

Теперь главная задача: надо постараться приземлиться точно в указанном месте. Есть способ, при помощи которого можно управлять парашютом. Использует девушка этот способ, подтягивает то одни, то другие парашютные стропы, старается опуститься именно там, где надо.

Вот она, рядом, земля. Вспоминает Таня наставления: нужно при приземлении, чтобы смягчить удар, пригнать колени, а затем быстро упасть на какой-нибудь бок. Всё по правилам делает Таня. Отличное приземление.

Таня Славникова не только обожала парашютный спорт, но и любила свою работу.

Трудилась у них на заводе так же, как и Таня, сверловщицей Катя Макарова. Была стахановкой. Лучше других работала.

И вот решила Таня вызвать Катю на соревнование.

Не верили многие:

— Да где уж тебе до Макаровой. Да разве можно тягаться, разве можно побить рекорд Макаровой!

Зато другие:

— Побьёт, побьёт. Она же — парашютистка.

Начали девушки соревноваться. Старается Таня. Проявляет характер. Вышла Таня Славникова победительницей в соревновании. За свои успехи в работе была послана Таня Славникова в Москву на первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта. Даже выступала на этом совещании.

Радуются за неё друзья:

— Точное приземление!

ТОКАРЬ С КАРБЮРАТОРНОГО ЗАВОДА

Торжественно проходило первое совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта. Делегаты собрались в Москве, в Кремле, в Большом Кремлёвском дворце. На трибуне товарищи Сталин, Калинин, Ворошилов, другие руководители Коммунистической партии и Советского государства.

В числе приехавших на совещание был и токарь карбюраторного завода

из города Куйбышева Афанасий Кирьянов.

Отлично трудился Кирьянов у себя на заводе. Не было на всём карбюраторном такого человека, который бы не знал о Кирьянове.

— Руки умелые.

— Деловая хватка.

— Рабочая стать.

Был Кирьянов лучшим среди стахановцев.

Вот и выпала честь ехать в Москву на совещание.

Москва! Впервые в Москве Кирьянов. Улицы слева, улицы справа. Громады домов, как утёсы, высятся.

Кремль! Любовался, поражался Кремлём Кирьянов. На стены Кремля дивился. Дивился на красоту соборов. У царь-колокола стоял как приворожённый. У царь-пушки и вовсе замер.

Красная площадь! Ленинский Мавзолей. Сказка — храм Василия Бла-

женного. Исторический музей...

Э-эх, сколько веков за кормой истории!

Идёт совещание. Сидит Кирьянов, слушает других. Выступает Стаханов. Выступают Изотов, Евдокия Виноградова, Иван Гудов, Пётр Кривонос, другие стахановцы.

Шло вечернее заседание. Председательствовал народный комиссар тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе.

Поднялся Орджоникидзе:

— Дорогие товарищи, сейчас выступит токарь Куйбышевского карбюраторного завода товарищ Кирьянов. Старейший токарь, — добавил Орджоникидзе и загадочно улыбнулся.

Поднялся Афанасий Кирьянов, идёт к трибуне. Волнуется. Сердце стучит. В глазах темно. Лучше пять смен отстоять у станка, чем сделать эти шаги по залу.

Смотрят делегаты, кто там идёт. Что-то не видно. Стали привставать делегаты.

— Кто там идёт?!

Подошёл к трибуне Кирьянов. Всем виден теперь Кирьянов. «Дитё», — кто-то шепнул невольно. Смот-

рят: подросток стоит на трибуне. Мальчишке семнадцать лет.

— Выступает лучший токарь Куйбышевского карбюраторного завода, — произнёс Серго Орджоникидзе.

И тут... Даже вздрогнул в эту минуту Афоня Кирьянов. Как гром, как град грянули аплодисменты.

Видел подросток: Сталин хлопал, Калинин хлопал, Ворошилов хлопал, Орджоникидзе хлопал. Другие хлопали.

— Ну, Афанасий, выпала честь, выпала честь, — говорили потом Кирьянову.

Конечно, честь. Заработал её трудом. Парню семнадцать лет, а аплодируют члены правительства.

МАМЛЯКАТ

По сравнению с Мамлякат Афанасий Кирьянов старый-старый. Мамлякат Наханговой — и вовсе одиннадцать лет.

— И тоже стахановка?!

— Стахановка. Орденом Ленина награждена.

Мамлякат тоже была в Москве. Также была в Кремле. Только на другом совещании.

Руководители партии и правительства встречались с передовыми колхозниками и колхозницами Таджикистана и Туркменистана.

Из Таджикистана как раз Мамлякат, из колхоза имени Лахути. Здесь на колхозных полях и прославилась пионерка Мамлякат Нахангова.

Много разных богатств в Таджикистане. Однако главное богатство — хлопок. Очень нужен стране хлопок.

Не зря его называют «белым золотом».

Хлопок — растение прихотливое. Нелегко за ним ухаживать. Особенно собирать. Сейчас существуют специальные хлопкоуборочные комбайны. В те годы урожай хлопка собирали руками. Хлопок растёт на кустах, созревает в больших почках, в коробочках. Созреет хлопок — коробочки лопаются. Ходят люди по полям, собирают «белое золото».

Среди сборщиков хлопка и была юная Мамлякат. Вызвалась она помочь старшим.

— Ну что же, пусть привыкает к труду и полезному делу,— решили взрослые.

Вышла пионерка со всеми в поле. Сразу же с первого дня все обратили внимание на проворство, с которым работает юная школьница. Идут вдоль кустов сборщики. Видно, как Мамлякат отрывается от других, как быстро уходит вперёд.

— Мамлякат! Мамлякат!
Далеко впереди Мамлякат.

Обычно хлопок собирали одной рукой. Обеими руками работает девочка. Быстры её движения.

— Мамлякат! Мамлякат!
Далеко впереди Мамлякат.

Мелькают, мелькают, как крылья, руки. Косички по ветру плещут.

— Мамлякат! Мамлякат!

Далеко впереди Мамлякат.

Когда подводили итоги, выяснилось, что Мамлякат больше других собрала хлопков. Ей и выпала честь ехать в Москву на совещание.

Мамлякат Нахангова тоже выступала с трибуны Большого Кремлёвского дворца. Рассказывала о том, как собирала хлопок, как научила других собирать хлопок двумя руками. Долго участники совещания хлопали Мамлякат.

Товарищ Сталин её обнял, расцеловал. Золотые часы подарил на память.

С этими часами потом была целая история. Нигде не хотела Мамлякат расставаться с дорогим подарком. Даже вернувшись с совещания в гостиницу, важно с часами уселась в ванну.

Вернулась из Москвы домой Мамлякат. Орден висит у неё на груди. Часы тикают на руке. Идёт она юная и счастливая.

БАРАСБИ

— Асса! Асса!

Идёт по кругу весёлая кабардинка.

— Асса! Асса!

Кто там на сцене так ловко пляшет?

Это Барасби Хамгоков.

Мчатся, как ветер, кони. В самом разгаре скачка.

— Давай! Давай!

Кто там так лихо несется первым?

Это Барасби Хамгоков.

В школе идут экзамены.

Первый экзамен — пятёрка.

Второй — пятёрка.

Экзамен третий — опять пятёрка.

Кто так успешно сдаёт экзамены?

Это Барасби Хамгоков.

Барасби Хамгокову тринадцать лет. Он пионер, школьник. Живёт Барасби на Северном Кавказе в Кабардино-Балкарии.

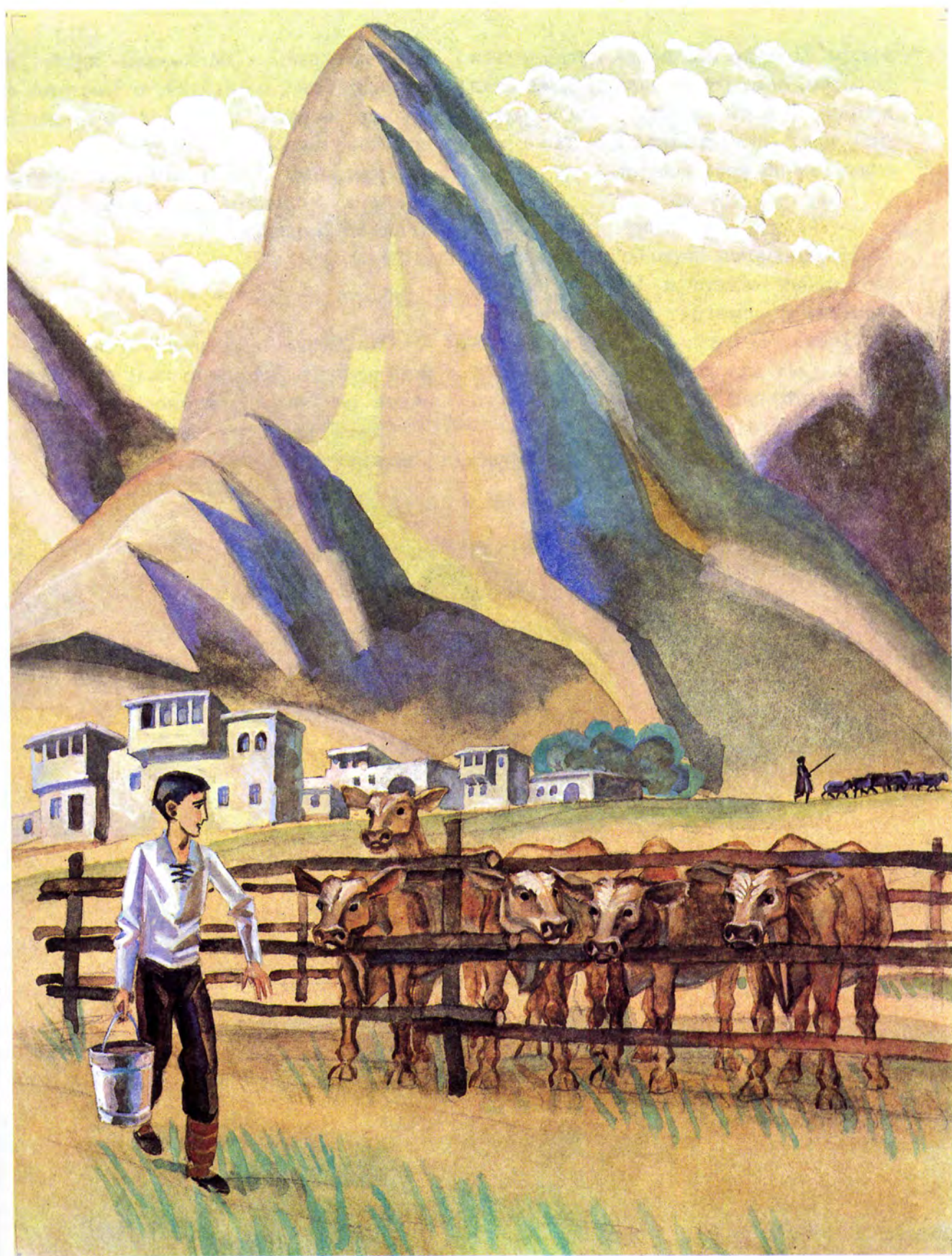
Здесь горы, как свеча, поднялись к небу. Здесь центр Кавказа. Здесь высь Эльбруса.

Барасби не просто умелый танцор — он лучший пионерский танцор Кабардино-Балкарии. Барасби не только прекрасный наездник. Он чемпион, победитель. Дважды брал первые призы на конных соревнованиях.

Ну а то, что Барасби отличник учёбы, это любому и так известно.

И всё же Барасби прославлен не школьными пятёрками, не танцами, не победами на скачках. Хотя, конечно, и это почётно, и это важно. Барасби любит труд. И это главное. Для родного колхоза он вырастил пять телят и одного жеребёнка.

Телята у него один к одному. Все рыженькие, с белыми прямоугольниками на головах. Жеребёнок, наоборот, сам светлый, тёмное пятно, как шапочка, между ушами. Назвал его Барасби — Костик. Когда Костик подрос, именно на нём взял Барасби на конных соревнованиях свои важные

призы. Немало пришлось потрудиться Барасби, пока росли телята, пока стал крепко на ноги Костик. Мыл их, кормил, поил, гулять выводил. Даже рассказывал на ночь сказки.

Смеялись другие:

— Телятам — сказки!

Не обижался Барасби. Он-то знает, что любят телята и Костик сказки. Притихнут, смотрят на рассказчика.

Пионер Барасби так же, как Мамлякат, был приглашён в Москву. Он тоже выступал с трибуны Большого Кремлёвского дворца.

Барасби Хамгоков рассказал о род-

ном колхозе, о колхозном клубе, о своей работе: о телятах, о Костике, о школе, и даже о танцах, и даже о скачках, и даже о сказках.

Все внимательно слушали юного пионера, молодого стахановца. Долго хлопали Барасби...

* * *

Стахановец — значит первый, лучший в труде. В годы первых пятилеток очень почётным считалось это слово.

Слава великому прошлому! Слава Стаханову и стахановцам!

для младшего школьного возраста

Сергей Петрович Алексеев

БУДУЩЕЕ НАЧИНАЛИ ОНИ

Рассказы

ИБ № 9781

Ответственный редактор

И. В. Омельк

Художественный редактор

Г. Ф. Ордынский

Технический редактор

С. Г. Маркович

Корректор

Е. И. Щербакова

Сдано в набор 11.11.86. Подписано к печати 14.07.87.

Формат 84×108¹/₁₆. Бум. офс. № 1.

Шрифт обыкновенный. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04.

Усл. кр.-отт. 22,68. Уч.-изд. л. 3,87.

Тираж 300 000 экз. Заказ № 4640.

Цена 1 руб.

Орден Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов издательство
«Детская литература»

Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
по «Детская книга»

Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
127018, Москва, Суэцкий вал, 49.

Алексеев С. П.

A47 Будущее начинали они: Рассказы/Рис. Г. Мет-
ченко.— М.: Дет. лит., 1987.—47 с., ил.— (Пою моё
отечество).

В пер.: 1 р.

Рассказы для младшего возраста о героических свершениях советского народа
в годы первых пятилеток, о трудовых подвигах Стаханова, Мазая, Виноградовых,
Ангелиной и их славных последователях.

А 4803010102—266
M101(03)87 163—87

ББК 65.9(2)24
32 С 5

СОДЕРЖАНИЕ

ПРО ВИКТОРА КАЛМЫКОВА	3
ИСТОРИЯ С ЛОМОМ	4
КАНЦЕЛЯРИСТ	6
ВСТРЕЧНЫЙ — БЕЗУПРЕЧНЫЙ	7
СЛУЧАЙ НА ТУРКСИБЕ	9
КАК КОМСОМОЛЬСК СТАЛ КОМСОМОЛЬСКОМ	10
«ЦЕНТРАЛЬНАЯ-ИРМИНО»	11
СТАХАНОВ И СТАХАНОВЦЫ	12
ЛЕГКО НА ДУШЕ У ИЗOTOVA	15
РАВНЕНИЕ НА БУСЫГИНА	16
ПАССАЖИРСКИЙ, ТОВАРНЫЙ, СКОРЫЙ	18
«ФОКУСЫ» ИВАНА ГУДОВА	21
ТКАЧИХИ ВИНОГРАДОВЫ	22
МАЛЬЧИК СО «СКОРОХОДА»	24
ТРИ ПОДВИГА МАКАРА МАЗАЯ	25
БРИГАДА ПАШИ АНГЕЛИНОЙ	27
СЛОВО И ДЕЛО МАРИИ ДЕМЧЕНКО	31
РЕПЕТИЦИЯ ТАИСИИ ПРОКОПЬЕВОЙ	32
ДНИ И НОЧИ КОНСТАНТИНА БОРИНА	34
ШКОЛА КУВШИННИКОВА	36
ТОЧНОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ	38
ТОКАРЬ С КАРБЮРАТОРНОГО ЗАВОДА	40
МАМЛЯКАТ	42
БАРАСБИ	44

1 руб.